

М. Ф. ШУМЕЙКО (Республика Беларусь)

НАЦИСТСКИЕ ЛАГЕРЯ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В БЕЛАРУСИ ГЛАЗАМИ ВОЕНВРАЧА КРАСНОЙ АРМИИ Л. АТАНАСЯНА

Анализируя многочисленные мемуары, а также личные дневники, переписку, повествующие о событиях Второй мировой войны на территории Беларуси, обращаешь внимание на следующее обстоятельство: очень редко авторами такого рода источников выступают бывшие военнопленные. В чем причина такого явления? Только ли в пресловутом приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г.,¹ отличавшемся крайней жесткостью, даже жестокостью по отношению к попавшим в плен бойцам и командирам Красной Армии, а также к их родным и близким? Или здесь нечто иное, сугубо интимное, воспринимаемое оказавшимися в беде людьми как что-то постыдное, о чем не принято распространяться.

В этой связи на память приходит рассказ талантливого русского писателя Василия Шукшина «Слово о полку Игореве». Его герой — студент филологического факультета института, бывший фронтовик. На экзамене по русской литературе ему достается вопрос «Слово о полку Игореве». Экзаменатор выясняет у студента, абсолютно не готового к ответу на билет, что тот во время войны хлебнул лиха в немецком плену; рассказывает ему о князе Игоре, оказавшемся, как и экзаменующийся в неволе, спрашивает у студента, о чем разговаривали между собой военнопленные, что вспоминали и пр. Студент отвечает односложно, еще больше замыкается в себе и тут профессор понимает, что его собеседник, даже не по своей воле оказавшийся в плену (был ранен, находился в бессознательном состоянии), стыдится прошлого, не хочет вспоминать о нем.

Однако оставим все это для специальных психоисторических исследований и перейдем к нашей теме, обозначенной в

заголовке данной статьи. Целью ее является выяснить значение всего лишь одного конкретного документа, как исторического источника; документа, созданного по горячим следам событий человеком, пытающимся быть объективным и беспристрастным (если можно говорить о возможности сохранения этих качеств, пройдя настоящие «круги ада»).

Мы сознательно избегаем названия вида этого источника, хотя архивисты бывшего Партийного архива Института истории партии при ЦК Компартии Беларуси — составной части современного Национального архива Республики Беларусь, где он хранится, еще в 1961 г. сделали это за нас, определив его как «дневник». Именно так — «Дневник кандидата медицинских наук Л. А. Атанасяна за период с октября 1941 по май 1943 г.» — назван интересующий нас документ, сохраняемый в фонде Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП (б) Беларуси² (Фрагменты его были использованы нами во втором разделе книги «Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941—1944)». Мн., 1995 (С. 285—287), изданной под грифом Белкомархива, Академии наук Беларуси и Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение»)

С таким определением вида данного источника трудно согласиться, исходя как из характера его содержания, так и (что особенно важно!) свидетельства самого его автора. Последний квалифицирует его как воспоминания, предназначавшиеся для опубликования в форме брошюры. В дальнейшем и мы, следуя за автором, будем называть этот источник «воспоминаниями».

Они написаны фиолетовыми чернилами на трех с половиной десятках тетрадных листов разного формата (с оборотами), пронумерованных автором с 1-й по 73-ю страницы³. На первой странице, представляющей подобие титульного листа книги, выведено рукой Л. А. Атанасяна: «Правда о немцах (20 месяцев в плену у немцев. X. 41—V.43)»; рядом помета — «Дневник», сделанная другим почерком. В конце рукописи стоит подпись автора и дата — 14 июля 1943 г., а завершает ее «Оглавление», включающее Предисловие (С. 1) и 15 заголовков очерков (разделов) воспоминаний: 1. Полицейские (С. 5) 2. Современные рабы (С. 7) 3. Людоеды (С. 13) 4. Порка (С. 17) 5. Лагерные снайперы (С. 19) 6. Бобруйский

расстрел (С. 23) 7. Этап (С. 27) 8. Питание военнопленных (С. 30) 9. Плановое мародерство (С. 43) 10. Инвалиды (С. 49) 11. Прогресс «культуры» в немецких лагерях для военнопленных (С. 54) 12. Немецкая пропаганда среди военнопленных (С. 59) 13. Где же новые пленные? (С. 69) 14. Наши женщины в плену (С. 72) 15. Для русским [Sic !] воспрещается (С. 73).

Предшествует же тексту воспоминаний письмо секретаря Полесского обкома КП (б) Беларуси И. Д. Ветрова секретарю ЦК КП (б) Беларуси П. К. Пономаренко от 23 сентября 1943 г. следующего содержания: «Направляю *дневник* [вот откуда и определение вида документа! — М. Ш.] кандидата медицинских наук Л. А. Атанасяна. Этот дневник как литературное произведение не представляет ценности, но факты, изложенные в дневнике, частью могут быть использованы как показывающие зверства немцев с русскими военнопленными. Атанасян эвакуирован в г. Москву и разрабатывается т. Цанава»⁴.

К заключительной фразе письма мы еще вернемся, познакомившись прежде с автором воспоминаний. Леон Ашотович Атанасян, врач-хирург, кандидат медицинских наук, родился в 1906 г. в г. Тбилиси. До войны работал ординатором Боткинской больницы в Москве, хирургом-консультантом санчасти Наркоминдела, с началом войны—в военном госпитале на Канатчиковой даче (здесь размещалась известная психиатрическая больница № 1 им. Кащенко). 1 сентября 1941 г. военврач III ранга Атанасян ушел на фронт. Буквально через месяц, 4 октября вместе с 636-м полевым госпиталем попал в плен при прорыве немцами фронта на Десне. Прошел лагеря в Юхнове, Рославле, Кричеве, Бобруйске, работая там в лазаретах для военнопленных. Как писал он сам 20 июля 1943 г. из партизанского отряда на Полесье в Москву, «в мае месяце с. г.... бежал из Бобруйска и сейчас нахожусь среди партизан»⁵.

После трехмесячного пребывания в партизанском отряде, во время которого и были написаны интересующие нас воспоминания (и не они одни, как увидим ниже!), в сентябре Л. А. Атанасяна вывезли на Большую землю, в Москву, где 17 сентября 1943 г. он и был арестован «по подозрению в пособничестве немецким оккупационным властям».

И вот здесь мы возвращаемся к его «разработке Цанавой», о чем сообщал в выше цитированном письме секретарь Полесского обкома КП (б) Беларуси. В хранящемся в фонде ЦК КПБ деле, озаглавленном «Спецсообщения НКГБ и НКВД за июнь—ноябрь 1943 года» мы обнаружили документ с несколько тяжеловесным заголовком: «Справку по следственному делу № 7 по обвинению Атанасяна Леона Ашотовича в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» УК РСФСР» с грифом «Совершенно секретно», подписанную заместителем начальника следственной части НКГБ БССР подполковником госбезопасности Вороновичем и датированную 16 ноября 1943 г. На ней имеется резолюция: «Лично. Секретарю ЦК КП (б) Белоруссии товарищу Малину. Л. Цанава. 16/XI.43 г.»⁶

В справке говорится буквально следующее: « На предварительном следствии Атанасян в предъявленном ему обвинении виновным себя признал и показал, что состоя на службе в действующей Красной Армии в качестве врача-хирурга 636 полевого госпиталя, он в октябре 1941 г. попал в окружение немецко-фашистских войск и, не приняв мер к переходу на сторону Красной Армии, преднамеренно сдался в плен.

Находясь в плену у немцев, Атанасян систематически проводил среди военнопленных антисоветскую агитацию, высказывал пораженческие настроения и распространял клеветнические измышления о Советском Союзе.

Став на путь предательства, Атанасян по заданию немецкого командования проводил среди военнопленных врачебную экспертизу с целью выявления лиц еврейской национальности для применения к ним репрессий, а также обучал немецких врачей методам хирургии, передавая им опыт, приобретенный в советских медицинских учреждениях.

В июне 1942 г. Атанасян присутствовал на совещании немецких переводчиков, где принял задание информировать немецкое командование о политнастроениях военнопленных. Войдя в доверие к немецким военным властям, Атанасян из лагеря военнопленных был освобожден и 20 февраля 1943 г. поступил на службу к немцам в качестве врача Бобруйской городской больницы, одновременно по совместительству являлся консультантом-хирургом

особого немецкого лазарета, в котором он оказывал медицинскую помощь полицейским, добровольцам военных контрреволюционных формирований и другим изменникам родины. За проводимую предательскую работу в пользу немцев Атанасян получал от последних ежемесячное вознаграждение в сумме одной тысячи рублей.

Следствие закончено и дело по обвинению Атанасяна Леона Ашотовича направляется на рассмотрение Особого Сопещения при Народном Комиссаре Внутренних Дел»⁷.

Можно лишь предположить, что не все из этих абсурдных обвинений, инкриминировавшихся Атанасяну, были приняты во внимание внесудебным органом при НКВД СССР: в противном случае обвиняемый получил бы не 8 лет заключения в лагерях, а высшую меру наказания.

По имеющимся у нас косвенным данным, не подтвержденным документально, в конце 1940-х годов Л. А. Атанасян был оправдан, вернулся в Москву, продолжил научно-практическую деятельность, стал известным хирургом в области лечения онкологических заболеваний. В 1960—70-е годы он якобы работал редактором отдела медицинской энциклопедии⁸.

В марте 1969 г. известный белорусский краевед, директор Кричевского музея М. Ф. Мельников (1921—1993), также как и Атанасян отсидевший 5 лет в лагерях Воркуты, обратился в Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Беларуси с просьбой подтвердить участие Л. А. Атанасяна в партизанском движении Беларуси в годы Великой Отечественной войны. По данным директора музея, Атанасян, находясь в партизанском отряде, провел много сложных операций раненым партизанам; кроме того, писал М. Ф. Мельников, будучи в Кричевском лагере военнопленных, он выделялся «своим отрицательным отношением к фашистам, участвуя в комиссии при медосмотре молодежи, отправляемой в Германию»⁹. Мельников писал, что врач-патриот спас от угона в Германию дочь кричевского подпольщика Федосеенко, юную подпольщицу Аню Колобашкину¹⁰. «Только недавно, — отмечал директор музея, — из письма медсестры, бывшей узицы Бобруйского лагеря в Военно-медицинский архив после войны мы узнали, что в этом лагере Атанасян также проявил себя

настоящим патриотом»¹¹.

Очевидно, до М. Ф. Мельникова, не имевшего тогда по указанным выше причинам доступа к закрытым архивам, дошли, тем не менее, какие-то слухи о якобы имевших место в годы войны обращениях Атанасяна к руководителям СССР с целью повлиять на изменение их отношения к советским военнопленным (директор музея указывал, что Атанасян якобы писал об этом на имя Л. Берии и В. Молотова).

Были ли такие обращения врача в адрес указанных выше лиц, мы не знаем, но совершенно очевидно, что с протоколом его допроса, проведенным в июле 1943 г. в партизанском отряде на Полесье,знакомился П. К. Пономаренко¹². Рискнем предположить, что именно он-то и сыграл негативную роль в последующей судьбе Атанасяна.

Анализ содержания ответов на заданные бывшему военнопленному вопросы — о причинах, побуждающих находящихся в немецком плену красноармейцев и командиров записываться в создаваемые нацистами вооруженные и вспомогательные формирования, о структуре последних, количестве в них «добровольцев» — свидетельствует, что они, т.е. ответы, вряд ли могли понравиться тем, для кого предназначались. Больше того, они вольно или невольно помогли следователям НКГБ формулировать обвинения врача в «антисоветской агитации», «клевете на Советский Союз».

Он, в частности, говорил: *«Имея возможность читать всю антисоветскую литературу, издаваемую немцами [здесь и далее выделено мною — М. Ш.] и наблюдая и беседуя с сотнями наших военнопленных и лиц, живущих на занятой немцами территории нашего Союза, я считаю нужным отметить, что немцами проделана огромная работа, с которой нельзя не считаться, как с реальной силой... В настоящее время на стороне германской армии действуют огромные контингенты бывшей нашей военной молодежи всех национальностей. Эти контингенты немцы используют с большой для себя пользой на фронте, в борьбе против партизан и в тылу в качестве боевых, технических, хозяйственных, дорожных и прочих частей»*¹³.

Рассуждая о причинах, толкавших советских военнопленных

пополнять эти формируемые врагом контингенты, Атанасян делает заключение, что главная из них — голод в лагерях, доводивший людей до безумия. «С полной ответственностью заявляю, — говорил он, — что не менее 95% этих добровольцев записались в эти сотни и отряды накануне своей неизбежной голодной смерти в лагерях для военнопленных и только таким путем спаслись от смерти. Я думаю, что многие из них, прежде чем пойти на этот шаг, провели не одну бессонную ночь. Не знаю, много ли нашлось бы людей, даже самых честных, высоконравственных и морально стойких, которые предпочли бы смерть этому шагу. Немцы хорошо знали, что они делали! Тот, кто видел этих погибающих от голода людей, не осмелится бросить в них камень»¹⁴.

Сам того, не желая, Атанасян поставил под сомнение эффективность советской контрпропаганды (точнее, он утверждал о полном ее отсутствии не только в лагерях для военнопленных, но и среди населения, в частности Бобруйска, где врач жил последние два месяца перед уходом в партизаны) на оккупированной территории. (И это в то время, когда подпольные партийные и комсомольские органы Беларуси регулярно слали в Центр донесения о масштабах и успехах, достигнутых «в области идейно-политической работы среди населения!»). «Оторванность от советской действительности была полная — отмечает Атанасян — Последнее немало способствовало успеху немецкой пропаганды среди военнопленных, когда немцы совершенно беспрепятственно могли вбивать в головы военнопленных любую ложь и обман. К сожалению, не лучше обстояло дело в то время, когда я жил вне проволоки, в городе»¹⁵.

И уж совсем не ко времени были его пассажи об отношениях к военнопленным красноармейцам и командирам со стороны советского правительства. Они находились в явном несоответствии с известным сталинским заявлением о том, что «у нас нет пленных, а есть изменники Родины». Между тем Атанасян утверждал: «Немецкая пропаганда внушала всем военнопленным, что мы, военнопленные, являемся с точки зрения Советского правительства изменниками, что мы признаны Советским правительством вне закона и что поэтому нам так плохо в плену. Больше того, нас уверяли в том, что и наши семьи подвергаются репрессиям как се-

мьи изменников»¹⁶. Он и не предполагал, не зная о существовании, а тем более содержании известного сталинского приказа № 270, насколько все то, о чем он говорил с «лживых слов фашистской пропаганды» было близко к истине.

Возвращаясь к основному, интересующему нас документу, — воспоминаниям, отметим, что их оценку и характеристику, включая и изложение побудительных мотивов создания, дает сам автор в письме к довоенному работнику Наркоминдела Козыреву 20 июля 1943 г. Напомнив адресату о себе (Атанасян лечил Козырева, сломавшего в феврале 1941 г. во время катания на лыжах ребра) и о своих лагерных злоключениях, Атанасян далее писал: «В плену через мои руки прошло много тысяч раненых красноармейцев и командиров. Ужасы, творимые немцами в лагерях для военнопленных, побудили меня написать присылаемую с этим письмом *брошюру*... Писал я эту брошюру главным образом для нашей военной молодежи, считая, что появление в настоящее время в печати подобных документов будет вполне своевременным... Мне кажется, что она написана интересно и главное — честно, а это ведь особенно важно»¹⁷.

Об объективности и беспристрастности воспоминаний, а также источниках и механизме их создания автор указывает и в предисловии: «Все сведения, которые привожу я ниже, являются результатом моих наблюдений над тем, что прошло передо мной, результатом того, что видел, слышал и пережил я лично. Сведения эти я тщательно собирал и заносил условными цифрами и знаками в маленький блокнот, так как вести в лагере настоящий дневник было невозможно... Я не позволил себе добавить чего-либо, что не было мной проверено и выяснено с предельной точностью. Я не добавил ни одного лишнего слова, не сгустил красок с целью усилить впечатление того, о чем пишу. Я излагаю все честно, объективно и беспристрастно. Злодеяния, совершенные и совершаемые немцами, настолько чудовищны, что вряд ли нуждаются в преувеличении»¹⁸.

Автор предупреждает будущего читателя своих воспоминаний, что не может по известным причинам назвать десятки и сотни фамилий людей, с которыми беседовал, так как «часть из них сидит за проволокой, а другая, находясь в такой же неволе,

живет вне проволоки на занятой немцами территории нашего Союза. Назвать имена этих лиц, значит погубить их...»¹⁹.

Здесь же он указывает и источники своей информированности, важнейшими среди которых являются собственная память, а также рассказы людей, с которыми общался. Сопоставление скорбного итинерария Атанасяна: Юхнов (23 ноября 1941 г.) — Рославль (27 ноября 1941 г.) — Кричев (17 апреля 1942 г.) — Бобруйск (16 августа 1942 г.) — партизанский отряд (11 мая 1943 г.) с описываемыми им в воспоминаниях событиями показывает, что значительная часть последних была наблюдаема автором. В других случаях он полагался на рассказы очевидцев, а также устную традицию, существовавшую среди военнопленных.

В том, что последняя исправно работала, убеждаешься, знакомясь с ответами Атанасяна на поставленные ему при допросе 8 июля 1943 г. вопросы. «Несмотря на строгие лагерные порядки, полицию, переводчиков, — говорил он, — ...не было такого мало-мальски важного события, происшедшего вне проволоки, в городе или поблизости, чтобы мы не узнали бы о нем, если не в вечер дня события, то на следующий день. Своеобразная связь, передача имели место во всех лагерях и из самых разных источников мы узнавали о всех местных новостях, или о том, что происходило у немцев»²⁰.

Так, описывая свое прибытие в Рославльский лагерь, Атанасян отмечает, что за неделю до этого здесь был повешен военнопленный, якобы за людоедство. «Утром, — пишет он, — когда рассвело, я увидел повешенного. Тело его болталось на веревке высоко на столбе. Труп повешенного немцы не разрешали снимать в течение двух недель с благим намерением отучить нас, «варваров», от ужасного порока — людоедства. Говорили, как будто, у этого красноармейца был обнаружен кусок человеческого мяса. Никто точно не мог подтвердить этого факта, но, узнав об условиях содержания пленных в общих лагерях в Рославле в это время, я лично допускаю такую возможность»²¹. Как видим, Атанасян не утверждает, что факт людоедства в лагере имел место, но допускает, что такое могло быть, учитывая царивший среди военнопленных голод.

«Позднее, в Бобруйске, — продолжает он, — я узнал, что и

здесь в первой половине ноября 1941 года были обвинены в людоедстве двое пленных красноармейцев. Один из них был узбек, а другой — русский. В сумке у них нашли кусок печени, якобы человеческой. Оба обвиняемых находились в лазарете. Расстрел их был произведен в присутствии всего медицинского состава лазарета... Перед приведением в исполнение приговора коменданта лагеря офицер обратился к медицинскому персоналу с поучительной речью о недопустимости для современного культурного человека употребления в пищу человеческого мяса...»²².

Вслед за описанием сцены расстрела (по рассказам очевидцев) Атанасян дает собственную оценку данному факту, подчеркивая при этом цинизм и фарисейство лагерного начальства: «Возмутительнее всего в этой трагической истории было то, что некоторые немцы самым серьезным образом спрашивали нас, врачей, о том, что может быть на самом деле среди народов Советского Союза имеются людоеды. Эти сытые и тупые люди были настолько убеждены в исключительности своей нации, что не давали себе труда допустить само собой напрашивавшееся объяснение этому печальному факту: людоедство могло иметь место как следствие безумного голода, который сделал человека безумным, а безумным может быть и негр, и китаец, и даже самый чистокровный немец»²³.

Вообще, проблеме голода, царившего в лагерях и уносившего жизни десятков тысяч советских военнопленных, автор воспоминаний уделяет особо пристальное внимание. Это заметно даже по количественным характеристикам воспоминаний: из всех 73 страниц рукописи 13 занимает раздел 8 («Питание военнопленных»). Гибель красноармейцев и командиров от голода, специально организованного в лагерях, Атанасян считает одним из самых гнусных преступлений тех, «на знамени которых написано «Gott mit uns» [с нами Бог (пер. с нем.) — М. Ш.]. В том, что голод действительно был организован нацистами для планомерно и педантично проводимой ими политики истребления «людей с Востока», автор воспоминаний нисколько не сомневается и доказывает это достаточно убедительно.

«Знание немецкого языка, — пишет он, — давало мне возможность общаться с немецкими врачами без помощи перевод-

чиков. Как правило, на мой вопрос о причине столь плохого содержания и питания военнопленных они отвечали, что во всем виноваты большевики, которые, отступая, уничтожают за собой все продукты питания, тем самым лишая немецкое командование возможности проявить должную заботу о военнопленных. С полной ответственностью за каждое сказанное мной слово я заявляю, что это лживое от начала и до конца утверждение не имеет ничего общего с фактическим положением вещей. Я докажу, что вся немецкая пропаганда занимается бесплодной задачей убедить нас, военнопленных, в том, что в наших злоключениях виноваты большевики, является лживой. В огромных районах продвижение немецких войск летом 1941 г. благодаря внезапности их нападения было настолько стремительным, что в руки немцам попали колоссальные запасы питания. Примером может служить Бобруйск, куда немцы вошли 28 июня 1941 г. Здесь в их руки попали богатейшие склады с питанием, крупный и мелкий рогатый скот, обильный урожай злаков и овощей, все богатство колхозов осталось в целости и сохранности и перешло в руки немцам. Хотелось бы знать, отразилось ли это на питании военнопленных в Бобруйских лагерях? Достаточно сказать, что с осени 1941 и до весны 1942 г. в Бобруйске погибло 80.000 военнопленных, в основном от голода»²⁴.

Далее Атанасян приводит факт гибели 25 человек из 182, составлявших транспорт раненых военнопленных, прибывший в Бобруйск (люди умерли на следующий день по прибытии в лагерь). «Все они умерли от голода, — замечает Атанасян, — и было это не летом 1941 года, а 25 октября 1942 г., когда Красная армия не отступала и не уничтожала за собой продукты питания»²⁵.

Что касается качества питания военнопленных, то оно, по мнению Атанасяна, не выдерживает никакой критики. Основным продуктом питания военнопленных были отбросы, менявшиеся в зависимости от времени года: осенью полугнилые капустные листья, зимой — мороженая и полугнилая картошка, свекла, морковь. Весной и летом к этой «пище» добавлялись трава и головастики. «Ежедневно, — пишет Атанасян, — в Кричевском лазарете для военнопленных можно было видеть наших раненых, которые сидели на земле в 6—7 метрах от проволоки и держали в руках сделан-

ные из дерева простые игрушки: трещотки, паровозики, тележки. Этими игрушками они привлекали к себе детей, проживающих в близлежащих домах и предлагали им эти игрушки в обмен на кости рогатого скота, валявшиеся в поле. Улучив минуту, когда часового поблизости не было, дети бросали раненым кости, а раненые перебрасывали детям игрушки. Эти кости, которые уже побывали в котле, а затем были выветрены и вымыты дождями и снегом в поле, наши раненые варили в котелках вместе с травой и таким образом создавали себе добавочное питание... Январь и февраль 1943 г. ознаменовались мясными блюдами. С бойни доставлялись 3—4—5 месячные внутриутробные телята, извлекаемые из забитых стельных коров. Вид этих скользких, еще не покрытых шерстью буровато-зеленых выкидышей, валявшихся на земле перед кухней лазарета, был настолько отвратителен, что те из работников лазарета или раненых, которые видели их накануне вечером, не могли на следующий день есть суп, приготовленный из этих «телят». И так изо дня в день во всех лагерях для военнопленных одна и та же отвратительная картина кормления людей отбросами»²⁶.

Если так обстояло дело с питанием работников лазарета и находившихся в нем раненых военнопленных, логично предполагал Атанасян, то что можно было говорить о «еде» для основной массы военнопленных, находившихся в общих лагерях?

Помимо систематического умерщвления военнопленных путем организованного голода нацисты уничтожали людей и «спортивной забавы ради». Об этом повествует раздел воспоминаний «Лагерные снайперы». Автор отмечает, что такой вид «спорта», как стрельба по живым мишеням, был весьма распространен в лагере среди несших караульную службу немецких солдат. Полная безнаказанность и даже одобрительное отношение немецкого командования к этому виду «спорта» приводили к тому, что солдаты и днем и ночью безо всякого повода со стороны военнопленных стреляли по ним.

Атанасян описывает наблюдаемые им случаи убийства часовым (днем 6 декабря 1941 г.) безымянного пленного красноармейца, пытавшегося пройти в лазарет; 7 ноября 1942 г. — раненого красноармейца из Элисты Ф. Г. Камаева, потянувшегося за

окурком и др.

Со слов коллеги-врача, бывшего очевидцем кровавой бойни, устроенной охраной Бобруйского лагеря в ночь с 8 на 9 ноября 1941 г., Атанасян излагает ее подробности. Он сравнивает ее с Варфоломеевской ночью с той лишь разницей, что в отличие от гугенотов, которые «все же были вооружены и могли защищаться с оружием в руках, а здесь вооруженные до зубов убийцы расстреливали всю ночь беззащитных людей-военнопленных».

Он разбивает немецкую версию причины расстрела (якобы военнопленные под руководством политруков и комиссаров решили отметить ноябрьские праздники массовым побегом, поэтому лагерная охрана вынуждена была применить оружие), показывая, что эта бойня была тщательно спланирована заранее с целью разгрузить лагерь от лишних «едоков». Атанасян приводит конкретные факты, свидетельствующие об этом: он указывает, что за 4 дня до расстрела руками военнопленных были вырыты три огромные ямы (в них опять-таки руками военнопленных и были зарыты жертвы расстрела). Формальный повод для начала бойни — загоревшиеся на крыше барака стропила от костра, на котором военнопленные пытались варить картошку. Начавшийся в 8 час. вечера расстрел продолжался до утра. Приводимая Атанасяном цифра уничтоженных военнопленных — более 7 тысяч человек — согласуется со свидетельствами, исходившими в том числе и от лагерного командования, впоследствии понесшего заслуженную кару²⁷.

Атанасян описывает жуткие сцены последствий транспортировки раненых военнопленных (зимой и летом), которые он наблюдал в Кричеве, Бобруйске. Так, он сообщает, что 17 июля 1942 г. из Орла в Кричев прибыл железнодорожный транспорт с ранеными военнопленными, три дня находившийся в пути. Жуткая картина представилась встречавшим его врачам и санитарам: после того, как открыли двери, подойти к составу в первые минуты было нельзя из-за ужасного смрада, несущегося из вагонов. Почти в каждом были трупы; еле державшиеся на ногах люди выползали из вагонов и молили дать им воды.

24 декабря 1942 г. из Брянска в Бобруйский лагерь прибыл транспорт с 342 ранеными. Когда они входили во двор лазарета,

то даже выдавшие виды врачи и санитары, включая и автора воспоминаний, долго не могли прийти в себя от изумления и возмущения: четверть раненых была одета в бумажные брюки, бумажные колпаки; у многих ноги были обмотаны бумажными бинтами. «В этом бумажном обмундировании, — замечает Атанасян, — наши раненые военнопленные были в пути 4 дня. И это было 24 декабря 1942 г.»²⁸.

Заключительные разделы воспоминаний свидетельствуют о фактах психологического надругательства над военнопленными со стороны лагерной охраны. Они не менее жутки, чем описания физических издевательств над попавшими в беду красноармейцами и командирами Красной армии.

Своеобразным же рефреном воспоминаний является фраза, с которой автор начинает свое повествование: «Только тот, кто побывал в плену у немцев, может с полным правом сказать, что он, действительно, познал предел человеческого страдания, предел тех физических, моральных и душевных мук, которые в силах вынести человек»²⁹.

В заключение отметим следующее. Нельзя не согласиться с оценкой данного источника, которую ему буквально через два месяца после создания дал один из руководителей партизанского движения на Полесье, особо отметивший (в виду известных обстоятельств) наличие в «дневнике» (по терминологии И. Д. Ветрова) фактов, которые «могут быть использованы как показывающие зверства немцев с русскими военнопленными». Сегодня, спустя 60 лет, в эпоху «взаимопонимания и примирения», когда *пропагандистская составляющая воспоминаний Атанасяна*³⁰ не является актуальной, они, тем не менее, не утратили своего значения в качестве важного исторического источника повествовательного характера. Написанные интеллектуалом, к тому же не обделенным литературным даром (хотя И. Ветров и ставит под сомнение их ценность как литературного произведения), воспоминания в виду врачебного звания и выполняемой работы их автора зафиксировали то, что проходило незаметно для рядового военнопленного. И в этом наряду с прочим состоит их значение как исторического источника. Кстати, заметим, что именно к подобного рода источникам в последнее время особенно вырос интерес у иссле-

дователей, занимающихся изучением устной истории, историей повседневности, психоисторией и т. п.³¹

С учетом этого (и не только этого!) обстоятельства, а также принимая во внимание ценностный фактор воспоминаний Л. А. Атанасяна считали бы целесообразным полностью опубликовать их то ли в форме отдельной брошюры (как это предполагал сделать сам автор 6 десятилетий тому назад), то ли в периодическом издании и таким образом сделать их более доступными для изучения историками, политологами, психологами.

- 1 Аналогичный приказ Ставки за № 227, больше известный как «Ни шагу назад!», был принят через год, в июле 1942 г.
- 2 Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 750, оп. 1, д. 135, л.1—43. Об истории Комиссии см.: Шумейко М. Ф. Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии. 1942—1946 гг. // Советские архивы. 1985. №2.
- 3 Тройная нумерация листов дела: л. 246—287 (красным карандашом); л. 31—62 (зеленым карандашом); и, наконец, л. 1—43 (архивная нумерация 1961 года простым карандашом) указывает на то, что воспоминания, прежде чем быть включенными в состав фонда Комиссии по истории Отечественной войны, перебивали в составе двух других дел, возможно заведенных в БШПД, ЦК КП(б)Б. На данное обстоятельство наталкивает содержание письма самого автора воспоминаний к Козыреву, в котором он указывает, что ранее высылал отдельные главы рукописи в БШПД (НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 128, л.4 об.)
- 4 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 135, л. 2. Л. Ф. Цанавы, о котором идет речь в письме, занимал в это время пост наркома госбезопасности БССР.
- 5 Там же, л. 3.
- 6 Там же, ф. 4, оп. 33а, д. 400, л. 340. Любопытно отметить, что эта справка соседствует в деле со спецсообщением Л. Цанавы П. Пономаренко о создании на оккупированной территории Беларуси так называемого «Белорусского научного общества», возглавляемого бургомистром Минска В. Ивановским. Спецсообщение датировано тем же, что и справка на Атанасяна, числом. В нем сообщается, что в тыл противника послан агент «Минский», перед которым наряду с «разработкой белнацдемов поставлена конкретная задача в ближайшее время подготовить и осуществить секретное изъятие и доставление на нашу базу президента «научного общества» бургомистра гор. Минска Ивановского Вацлава» (Л. 339)
- 7 Там же.
- 8 Эти сведения сообщил директор Кричевского музея М. Ф. Мельников. Наши попытки подтвердить их не увенчались успехом. Среди редакторов или сотрудников какого-либо из отделов 2-го издания Большой медицинской энциклопедии (выходила в 1957—1964 гг.) мы не встретили фамилии Л. А. Атанасяна.
- 9 НАРБ, ф. 511, оп. 7, д. 1167, л. 92.
- 10 Последняя по официальным данным НАРБ в качестве подпольщицы не числится.
- 11 НАРБ, ф. 511, оп. 7, д. 1167, л. 92. К сожалению, в воспоминаниях кричевских и бобруйских подпольщиков нам не удалось обнаружить каких-либо сведений об Атанасяне (НАРБ, ф. 1394, оп. 1, д. 23 и др.).
- 12 8 июля 1943 г. этот протокол при сопроводительном письме секретаря Минского подпольного обкома КП(б) Белоруссии И. А. Бельского был

- направлен на имя первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко (НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 128, л.12—20).
- 13 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 128, л. 12.
 - 14 Там же, л. 14 об.
 - 15 Там же, л. 16 об.
 - 16 Там же, л.18.
 - 17 Там же, д. 135, л. 3—4 об.
 - 18 Там же, л. 6.
 - 19 Там же, л. 5 об.
 - 20 Там же, д. 128, л. 13—20.
 - 21 Там же, д. 135, л. 11—11 об. О имевших место фактах лютоеда в лагерях для советских военнопленных рассказывал в декабре 1944 г. сотруднику Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии и бывший командир партизанской бригады «Комсомолец» Барановичской обл. Г. М. Понявин, который два с половиной месяца в 1942 году находился в лагерях г. Глубокое, Молодечно, Минска (НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 111, л. 110).
 - 22 Там же, л.12.
 - 23 Там же, л. 12 об.
 - 24 Там же, л. 20—20 об.
 - 25 Там же, л. 21.
 - 26 Там же, л. 24—25 об.
 - 27 См., например: Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 года). Мн., 1947. С. 314 и др.
 - 28 НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 135, л. 19 об.
 - 29 Там же, л. 5.
 - 30 Она, безусловно, присутствовала, чего не скрывал и сам автор, отмечавший: «Писал я эту брошюру главным образом для нашей военной молодежи, считая, что появление в настоящее время в печати подобных документов будет вполне своевременным».
 - 31 На это указывают, например, объекты публикаций журнала российских архивистов—«Отечественные архивы» за 2003 г. Они представляют собой исключительно источники личного происхождения: «Победит тот, кто будет владеть Востоком». Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран. 1941—1942 гг. (№ 3); «Историко-архивный институт стал моим родным домом». Воспоминания Н. А. Ковальчук о годах учебы в институте